

Гиперболоид инженера Гарина.

Роман в трех книгах.

А. Толстой.

Книга первая.

Угольные пирамидки.

1.

Огромный, как внутренность готического храма, уставленный золоченой мебелью, устланный коврами, — великолепный холл ¹⁾ гостиницы Мажестик был пуст в час завтрака, в четверть второго пополудни.

На месте портье, близ крутящихся хрустальных дверей, стоял дежурный мальчик в синей куртке со ста двадцатью золотыми пуговичками.

Время от времени он оборачивался к бронзовой коробке, куда из подземной трубы со стуком падала граната воздушной почты, раскрывал снаряд и раскладывал по алфавитным полкам синиеенькие, плотно сложенные конверты. Он хватал телефонную трубку и говорил, как автомат: «Да, мёсье, нет, мёсье, сию минуту, мёсье». Он бросался к распределительной доске и включал телефоны внутреннего действия, раскрывал огромную книгу и вписывал номера и фамилии. Этот удивительный мальчик двигался с непостижимой для живого существа скоростью.

Далеко, на другом конце холла, близ вторых вертящихся дверей, стоял швейцар, или «метр входа», бритый старик в сажень ростом, похожий на оперного актера, потерпевшего крушение на жизненном поприще. Икры его были обтянуты шелковыми чулками. Плоские ступни в лакированных туфлях с металлическими пряжками. На шее поверх черного фрака — тяжелая цепь.

Заложив подагрические руки за спину, он глядел сквозь зеркальную стену в зимний сад. Там, среди зелени, пальмовых листьев и цветущих ветвей миндаля за белоснежными столиками обедали обитатели гостиницы.

¹⁾ Прихожая, занимающая весь нижний этаж гостиницы.

Женщины были хороши, что и говорить. Молоденькие прельщали душистым шелком рассыпающихся волос, свежестью рта, кожи и глаз — синих англо-саксонских, черных южно-американских, лиловых французских. Пожившие женщины перебивали, как острым соусом, блекнущую красоту необычайностью туалетов. Парижские портные тонко понимали это дело.

Да, что касается женщин — все обстояло благополучно. Но не мог того же сказать старый швейцар о мужчинах, сидевших в ресторане.

Откуда, из каких чертополохов после войны вылезли жиренькие молодчики, коротенькие и шнакские, с волосатыми пальцами в перстнях, с воспаленными щеками, трудно поддающимся бритве? Они шумно и суетливо лакали шампанское с утра до утра. Они ползли из Америки, по преимуществу, — из проклятой страны, где шагают по колену в золоте, где собираются по дешевке, с молотка, скупить весь добрый, старый мир...

2.

К подъезду бесшумно подкатила длинная машина. Метр входа, брэнча цепью, поспешил к вертящейся двери.

Первым вошел, держа руки в карманах, надменный человек небольшого роста в черном пальто и в котелке, надвинутом на глаза, с жесткой бородкой, покрывающей большую половину щек, с раздутыми ноздрями мясного носа.

Он остановился посреди холла, поджидая спутницу, которая что-то говорила шоферу. Швейцар узнал ее: это была знаменитая Зоя Монроз, одна из самых шикарных женщин Парижа, — «самые прекрасные бедра Парижа», как отзывалась о ней пресса.

Она была одета в белый суконный костюм, обшитый на рукавах, от кисти до локтя, мехом черной длинношерстой обезьяны. Ее маленькая фетровая, без украшений, шляпа была создана великим Колó, который обязывался по контракту с неустойкой в 30 тысяч франков не производить больше ни одной подобной шляпки.

Зоя Монроз была очень красива, — тонкая, высокая, с длинной шеей, с немного большим ртом, с немного приподнятым носом. Серые глаза ее казались холодными и страстными.

Она подошла к человеку в котелке:

— Мы будем обедать, Роллинг? Я голодна. Семенов подождет.

— Нет, — так же коротко и резко ответил он, — я буду с ним говорить до обеда.

Зоя Монроз усмехнулась, двинула плечиком под белым сукном. Роллинг, решив стоять и ждать Семенова, стоял и ждал. К подъезду, с той стороны, где с нечеловеческой быстротой работал мальчик, подъехала наемная машина, и в вертящуюся дверь проскочил молодой человек в распахнутом пальто с тростью и мягкой шляпой в руке. Возбужденное лицо

покрыто веснушками, светлые усики точно приклеены. Торопливо моргая рыжкими ресницами, он подбежал к Роллингу, намереваясь, видимо, поздороваться за руку. Но Роллинг, не шевелясь и не вынимая рук из карманов, сказал ему:

— Вы опоздали на четверть часа, Семенов.

— Меня задержали... Ужасно извиняюсь... Но это по нашему же делу.. Ах, здравствуйте, мадемуазель Монроз, простите, я страшно запыхался... Все устроено, они согласны... Завтра могут выехать в Варшаву.

— Если вы будете кричать, я брошу разговаривать с вами, — сказал Роллинг.

— Простите — я шопотом. В Варшаве все будет подготовлено: паспорта, документы, штампеля и прочее... В первых числах апреля они могут перейти границу.

— Хорошо, — сказал Роллинг, — сейчас я и мадемуазель Монроз будем обедать. Вы поедете к этим господам и передадите им, что я буду их видеть сегодня в начале пятого. Предупредите, что если они окажутся шарлатанами — я выдам их полиции. Инструкции я дам им за час до отъезда.

Роллинг, кивнув бровями Семенову, пошел на полшага впереди Зон Монроз в зал ресторана.

3.

На рассвете, близ бань Гребной Школы, остановилась двухвесельная лодка.

Из нее вышли двое, и у самой воды произошел между ними короткий разговор, говорил только один — резко и повелительно, — другой глядел на полноводную, тихую, темную реку.

За голыми чащами Крестовского острова, в ночной синеве разлывалась весенняя заря. Ни всплеска, ни шороха.

Затем эти двое наклонились над лодкой, зажгли спичку, осветившую их лица, вынул со дна лодки свертки, и тот, кто молчал, взял их и скрылся в лесу, а тот, кто говорил, прыгнул в лодку, оттолкнулся от берега и часто заскрипел уключинами. Силуэт гребущего человека пересек заревую, мрачную полосу воды и вошел в тень противоположного берега. Небольшая волна плеснула от бань.

Спартаковец Тарашкин, «загребной» на ночной распахной гичке, — четырехвесельном аутригере, — дежурил в эту ночь в клубе. По молодости лет и весеннему времени вместо того, чтобы безрассудно тратить на спанье бысролетные часы жизни, — Тарашкин сидел над сонной водой в банях, обхватив коленки.

В ночной тишине было о чем подумать. Два лета подряд проклятые москвичи, не понимающие даже запаха настоящей воды, тренированные в москворецкой луже вместе с лягушками, били Гребную Школу на одиночках, на четверках и на восьмерках. Это было обидно. И пережить этого было нельзя.

Но спортсмен знает, что поражение ведет к победе. Это одно да еще, пожалуй, прелесть весеннего рассвета, пахнущего острой травкой и мокрым деревом, поддерживали в Тарашкине присутствие духа, необходимое для тренировки перед большими нюньскими гонками.

Сидя на банях, Тарашкин видел, как пришвартовалась и затем ушла двухвесельная лодка. Тарашкин относился спокойно к жизненным явлениям. Но здесь показалось ему странным одно обстоятельство: двое, стоявшие на берегу, были похожи друг на друга, как два весла. Одного роста, одеты в одинаковые широкие пальто, у обоих темная продолговатая борода. (Тарашкин хорошо разглядел их лица, когда они, нагнувшись над лодкой, заглянули спичку.)

Но, в конце концов, в республике никому не запрещается шататься по ночам, по суку и по воде, со своим двойником. Тарашкин, наверно, тут же бы и забыл о личностях с темными бородами, если бы не странное событие, происшедшее в то же утро по близости Гребной Школы в березовом леску, в полуразвалившейся дачке с заколоченными окнами.

4.

Чорт его знает с каких пор повелось думать, что Россия страна сухопутная. Взгляните на карту Союза — две трети границ омываются морями. Это — не считая внутренних рек и озер.

Смешно сказать, всего лишь двести лет тому назад начали заводить флот в России. И его же умудрился рыжий монастырский поп Филька проклясть с амвона на веки веков, — ни дна, ни покрышки.

О чем думал после Петра цари, глядя на карту России, омываемой двумя океанами и пятью морями? — неизвестно, — по всей вероятности, за недосугом и малограмотностью, ничего не думал.

Русский военный флот, проклятый рыжим попом Филькой, три раза начинал строиться и три раза погибал. Торговый флот, в сравнении с такой машиной государства, был подобен жалости. Ему и крупинки не в силах было вывезти из русских богатств: миллиарды пудов хлеба, руды, сырья, миллионы стандартов леса. А по сути вещей уместно было, чтобы десятки тысяч русских кораблей бороздили моря, океаны и реки.

Уместно было наплевать в бороду полу Фильке, кричавшему с амвона: «Наш монастырь, дескать, не может кораблей строить, мы, дескать, плавать не понимаем, вода для англичан и голландцев, а мы, дескать, природные — сухопутные, мы в лаптях ходим, нам, дескать, корабль без нужды, и без них проживем на сухопутье».

Уместно прихотить русского человека к воде и волне, облуть его свежим ветром, — ветер и море, просторы океанов, пестрота и богатство жизни, великие задачи всечеловеческого мирного общения, — вот что должно притти на смену унылой толчее в лаптях на трех десятинах сухопутья.

Будет великий союзный флот — закнпит жизнь внутри страны, прекнет с досады, перевернется в гробу рыжий поп Филька.

5.

«А между тем, — продолжал рассуждать сам с собой Тарашкин, повертываясь голой спиной к солнцу, едва подынявшемуся над зарослями, — губисполком выкатил 250 тысяч — строит стадион на Голодае, а в клубе у нас картошку варить не на чем. Ну, хорошо, там физкультура. А мы морскую мощь создаем, а в клубе 300 целковых-денег и тех нехватает купить весла. Обидно, между прочим».

Тарашкин хрустиул мускулами, подмигнуул солнцу и пошел во двор клуба собирать щепки. Время было шестой час в начале.

В это время стукнула калитка, и по влажной дорожке, ведя велосипед, подошел Василий Витальевич Шельга.

По всем статьям Шельга был хороший спортсмен, мускулистый и легкий, среднего роста, с крепкой шеей, быстрый на глаза, спокойный и осторожный. Он служил в уголовном розыске и спортом занимался для общей тренировки. Гребное дело особенно интересовало его, — работа на веслах развивала все мускулы и тело усиленно питалось воздухом и солнцем.

— Ну, как дела, товарищ Тарашкин? десятого флаг поднимаем? все в порядке? — спросил Шельга, ставя велосипед у крыльца: — приехал повозиться немного... Смотри — мусору, ай, ай, ай! Что же ваши ребята дремлют?

Он снял куртку и, продолжая болтать, принялся за уборку клубного двора, еще заваленного материалами, — щепой, смоляными бочками, бревнами, оставшимися от ремонта бань.

— Сегодня придут ребята с завода, — за одну ночь уберем, — сказал Тарашкин, — как же, Василий Витальевич, записываетесь в команду на шестерку?

— У вас как, — дисциплина строгая?

— Если пойдете на гонки, придется тренироваться.

— Не знаю, не знаю, как мне быть, — сказал Шельга, откатывая смоляной боченок, — с одной стороны, москвичей бить нужно, это дело — святое, с другой, боюсь — не смогу быть аккуратным... Поинимаете: смешное дело одно у нас наворачивается по уголовному розыску. Вроде, как бы, — из американской фильма.

Для поддержания разговора Тарашкин спросил:

— Опять насчет бандитов что-нибудь?

— Нет, поднимай выше — уголовщина в международном масштабе.

— Жаль, — сказал Тарашкин, — а то бы погребли.

Выйдя на бани, где по всей реке играли солнечные зайчики, Шельга стукнул черенком метлы, собираясь мести, и вполголоса позвал Тарашкина:

— Вы хорошо знаете — кто тут живет по близости на дачах?

— Живут кое-где зимогоры.

— А никто не переезжал сюда в середине марта, когда вы начали ремонт?

Тарашкин ужасно сморщился веснущатым лицом на солнечную реку, чесанул голый живот, почесал около загорелого плеча, ногтями ноги скребнул другую ногу. Не то, чтобы он этими приемами помог себе думать, — скорее всего, — занял время, понадобившееся для такого вздорного занятия, как ни с того ни с сего взять и припомнить, — не переехал ли в марте какой-нибудь обыватель на дачу.

— Вон в том лесике — заколоченная дача, барахло страшное, — сказал Тарашкин. — Недели четыре тому назад, это я помню, гляжу — из трубы дым. Я подумал — ребяташки балуются. А рулевой говорит: там скорее всего бандиты устроились.

— Вы видели кого-нибудь с той дачи?

— Пойдите, Василий Витальевич! Их-то я, должно быть, и видел сегодня, непременно — они...

И Тарашкин рассказал с обстоятельными подробностями о двух личностях, причаливших на рассвете к болотистому берегу.

Шельга слушал, поддакивал: «так, так», глаза у него стали, как щелки.

— Пойдем, покажи дачу, — сказал он отрывисто и привычным движением тронул висевшую сзади на ремне кобуру револьвера.

6.

Дача в голом березовом леску была действительно барахло.

Крыльцо сгнило, и листы железа висели на нем. Окна заколочены досками поверх ставень. В мезонине выбиты стекла. Углы дома под остатками водосточных труб поросли зеленым мхом.

— Вы правы — на даче живут, — сказал Шельга, сначала осмотрев дачу из-за деревьев, потом осторожно обойдя ее кругом. — Сегодня здесь были. Вход через черное крыльцо... но за каким дьяволом им понадобилось лазить в окошко? Тарашкин, идите-ка сюда, здесь не совсем ладно.

Шельга и Тарашкин подошли к черному крыльцу. На нем были видны песчаные отпечатки подошв. Налево от крыльца, на окне, висела боком ставня — свежесорванная. Окно раскрыто внутрь. Под окном, на влажном песке, опять отпечатки ног. Следы большие, видимо, тяжелого человека и другие — поменьше, с углублениями от гвоздей.

— На крыльце следы другой обуви, — сказал Шельга.

Он заглянул в окно, тихо свистнул, потом позвал: «Ей, дядя, тут у вас окошко отворено, кабы чего не унесли». Никто не ответил. Из полутемной комнаты тянуло сладковатым, неприятным запахом.

Шельга позвал еще раз, громче, поднялся на подоконник, вынул из кабуры револьвер и мягко прыгнул в комнату. Полез за ним и Тарашкин.

Первая комната была пустая, под ногами валялись битые кирпичи, штукатурка. Из полуткрытой двери пахло сладким и неприятным.

Вторая комната оказалась кухней. Здесь на плите под ржавым колпаком на столах и табуретах стояли примусы, фарфоровые тигли, стеклянные,

металлические реторты, банки и ящики с препаратами. Один из примусов еще шипел, догорая.

Шельга опять окликнул. Покачал головой и осторожно приотворил дверь в полутемную комнату, прорезанную плоскими, сквозь щели ставень, лучами солнца.

— Вот он! — сказал Шельга. Они подошли в глубине комнаты к железной кровати. На ней навзничь лежал одетый человек. Руки его были закинута за голову и прикручены к прутьям кровати. Ноги обмотаны веревкой. Пиджак и рубашка на груди разорваны. Голова неестественно запрокинута бородой торчком.

— Ага, вот они как его, — сказал Шельга, осматривая под соском убитого, глубоко, до рукоятки, загнанный финский нож. — Они его пытали... Смотрите...

— Васний Витальевич, это тот самый, кто на лодке пришел, его не больше часа полтора тому назад убили.

— Будьте здесь, караульте, — ничего не трогать, никого не пускать. Слышите, Тарашкин.

Через несколько минут Шельга говорил по телефону из клуба:

— Наряд на вокзалы... Проверять всех пассажиров... Наряд во все гостиницы. Проверить всех, кто возвратился между шестью и восемью утра. Агента и собаку в мое распоряжение.

7.

До прибытия собаки-ищейки, Шельга приступил к тщательному осмотру дачи, начиная с чердака.

Повсюду валялся мусор, битое стекло, обрывки обоев. Окна затянуты паутиной, в углах — поросли грибов. Дача, видимо, была заброшена еще с 1918 года. Обитаемыми оказались только кухня и комната с железной кроватью. Нигде ни признака удобств, никаких остатков еды, кроме найденной в кармане убитого французской булки и куска колбасы, завернутыми в лист чистой бумаги.

Здесь не жили, сюда приезжали делать что-то, что нужно было скрывать. Таково было первое положение, полученное Шельгой в результате обыска. Исследование кухни показало, что здесь работали над какими-то химическими препаратами. Шельга нашел в цинковых ящиках большое количество древесного угля, серы, порошка алюминия, окиси железа, металлического натрия, желтого фосфора. Некоторых материалов он не мог определить. Исследуя кучки золы на плите под колпаком, где, очевидно, производились химические пробы, перелистав несколько брошюр по неорганической химии с загнутыми уголками страниц, он установил второе: убитый человек занимался, всего-на-всего, невинной пиротехникой.

Такое умозаключение поставило Шельгу в тупик. Он еще раз обыскал платье убитого, нового ничего не обнаружил. Тогда он подошел к вопросу с другой стороны.

Следы ног у окна показывали, что убийц было двое, что они прямо обходя крыльцо, проникли через окно, неминуемо рискуя встретить сопротивление, так как человек на даче не мог не услышать треска срываемой ставни.

Это означало, что убийцам во что бы то ни стало нужно было либо получить что-то чрезвычайно важное, либо умертвить человека на даче.

Далее: если предположить, что они хотели просто умертвить его, то, во-первых, они могли это сделать проще и легче, подкараулив его, скажем, по пути на дачу и не рискуя шумом или сопротивлением, и, во-вторых, положение убитого на кровати показывало, что его пытали, прижигая сигарой, выкручивая руки, и зарезан он был не сразу — колотил его во многих местах. Убийцам нужно было узнать что-то от этого человека, чего он, видимо, не хотел сказать.

Что они могли выпытывать у него? Деньги? Трудно предположить, чтобы человек, отправляясь ночью на заброшенную дачу заниматься протехникой, стал брать с собой большие деньги. Вернее, убийцы хотели знать какую-то тайну, связанную с ночными занятиями убитого.

Таким образом ход мыслей привел Шельгу к новому исследованию кухни. Он отодвинул от стены ящики и обнаружил квадратный люк в подвал, который часто устранивают на дачах прямо под кухней. Тарашкин зажег огарок и лег на живот, освещая сырое подполье, куда Шельга осторожно спустился по сгнившей лестнице.

— Идите сюда со свечкой, — крикнул из темноты Шельга, — вот у него где была настоящая лаборатория.

Подвал занимал площадь под всей дачей. У кирпичных стен стояло несколько досчатых столов на козлах, балоны с газом, небольшой мотор и дномао, стеклянные ванны, в которых обычно производят электролиз, слесарные инструменты и повсюду на столах — кучки пепла. Большая керосиновая лампа висела под потолком. Здесь, очевидно, производились опыты.

— Вот они чем тут занимались, — с некоторым недоумением сказал Шельга, рассматривая прислоненные к одной из стен подвала толстые деревянные бруски и листы железа. И листы, и бруски во многих местах были просверлены, а иные разрезаны пополам, места разрезов и отверстий казались слегка обожженными.

В дубовой доске, стоящей торчком, отверстия эти были диаметром в десятую долю миллиметра, точно от укола иголкой. Посредине доски выведено вязью большими буквами: «П. П. Гарин». Шельга перевернул доску и на обратной стороне оказались те же буквы: каким-то непонятным способом трехдюймовая доска была прожжена этой надписью насквозь.

— Фу, ты чорт, — сказал Шельга, — выпуская воздух из надутых щек, — нет, П. П. Гарин здесь не протехникой занимался.

— Василий Витальевич, а это что такое? — спросил Тарашкин, показывая спрессованную из какого-то вещества пирамидку дюйма полтора высоты, около дюйма в основании.

— Где вы нашли?

— Их там целый ящик.

Повертев, поиюхав пирамидку, Шельга поставил ее на край стола, воткнул сбоку в нее зажженную спичку и отошел в дальний угол подвала. Спичка догорела, пирамидка вспыхнула ослепительным бело-голубоватым светом. Горела пять минут с секундами без копоти, почти без запаха.

— Рекомендую в следующий раз никогда таких опытов не производить, — сказал Шельга, — пирамидка могла оказаться сильно взрывчатой, либо газовой свечкой. Тогда бы мы не ушли из подвала. Очень хорошо, — что же мы узнали? Попробуем установить, — во-первых, убийство было не с целью мщения или грабежа. Во-вторых, установим фамилию убитого — П. П. Гари. Вот пока и все. Вы хотите возразить, Тарашкин, что, может быть, П. П. Гари тот, кто уехал на лодке? Не думаю. Фамилию на доске написал сам Гарин. Это психологически ясно. Если бы я, скажем, изобрел какую-нибудь такую замечательную штуку, то уж наверно от восторга написал бы свою фамилию, но уж никак не вашу, Тарашкин. Мы знаем, что убитый работал в лаборатории — значит он и есть изобретатель, то-есть — Гарин.

Шельга и Тарашкин вылезли из подвала и, закуриив, сели на крылечке, на солицепеке, поджидая агента с собакой.

8.

В одно из окошек приема заграничных телеграмм на главном почтамте просунулась изуродованная рука и повисла с дрожащим между пальцами телеграфным бланком.

Телеграфист взял бланк и не сразу понял его содержание — мешала какая-то странность. Он взглянул на руку — сухая, красноватая с сильно загиутыми холеными ногтями. «Ну, да, четыре ногтя, пятого пальца нет — мизинца», — и, успокоясь, телеграфист стал читать бланк.

«Варшава, Маршалковская, Семенову. Поручение выполнено наполовину, инженер отбыл, документы получить не удалось, жду распоряжений. Стась».

Телеграфист подчеркнул красивым — Варшаву. Поднялся и, заслонив собой окошечко, стал глядеть через решетку на подателя телеграммы. Это был массивный, средних лет человек с нездоровой желтовато-серой кожей и адутого лица, с висячими, прикрывающими рот желтыми усами. Глаза спрятаны под щелками опухших век. На обритой голове коричневый бархатный картуз.

— В чем дело?! — спросил он грубо: — принимайте телеграмму.

— Телеграмма шифрованная, — сказал телеграфист.

— То есть как шифрованная? что вы мне ерунду порете, это коммерческая телеграмма, вы обязаны принять. Я покажу удостоверение, я состою при польском консульстве, вы ответите за малейшую задержку.

Желтый господин рассердился и тряс щеками, не говорил, а лаял, — но четырехпалая рука его на прилавке окошечка продолжала дрожать так же, как при подаче телеграммы.

— Видите ли, гражданин, — говорил ему телеграфист, — у нас в Республике порядки другие, чем у вас в Польше, у нас каждый гражданин должен быть сознательный, и я вижу, — хотя вы говорите, что ваша телеграмма коммерческая, — а по-моему политическая, шифрованная. Можете на меня жаловаться, но без разрешения начальника почтамта телеграммы не приму.

Телеграфист усмехался. Желтый господин, гневаясь, повышал голос, а между тем телеграмму его незаметно взяла барышня и отнесла к столу, где Василий Витальевич Шельга просматривал всю подачу телеграмм этого дня. Взглянув на бланк «Варшава, Маршалковская» он сейчас же вышел за перегородку в зал и остановился позади сердитого отправителя.

— Хорошо, — говорил ему телеграфист, заметив нетерпеливый знак Шельги, — ваше удостоверение в порядке, телеграмму я приму, но, что касается панской политики, — вы бы, гражданин, постыдились ее оправдывать...

Он повел губам — трубочкой — направо, налево и сел писать квитанцию. Поляк тяжело сопел от злости, перемняясь, скрипел лакированными башмаками. Шельга внимательно глядел ему на ноги. Затем отошел к выходным дверям, кивнул пальцами дежурному агенту и показал на поляка:

— Проследить.

Вчерашние поиски с ищейкой привели от дачи к реке Крестовке, где и оборвались: здесь убицы, очевидно, сели в лодку. Вчерашний день не принес новых данных. Преступники, по всей видимости, были хорошо скрыты в Ленинграде. Не дал ничего и просмотр телеграмм. Только эта последняя, пожалуй, — в Варшаву Семенову, — представляла некоторый интерес. Но, всего вероятнее, и она была обычная, коммерческая и отправитель — один из рядовых агентов польской миссии.

Телеграфист подал поляку квитанцию, тот полез в жилетный карман за мелочью. В это время к окошечку быстро подошел с бланком в руке красивый, темноглазый человек с бородкой и, поджидая, когда место освободится, со спокойным недоброежелательством глядел на живот сердитого господина.

Шельга увидел, как человек с бородкой вдруг весь строго подобрался, — он заметил четырехпалую руку и сейчас взглянул поляку в лицо. Глаза их встретились. У поляка отвалилась челюсть. Опухшие веки раскрылись. В мутных глазах огоньком сумасшествия мелькнул ужас. Лицо его, как у чудовищного хамелеона, изменилось — стало свинцовым.

И тогда только Шельга понял, — узнал стоявшего перед поляком человека с бородкой: это был двойник убитого вчера на Крестовском... Василий Витальевича точно ударно по глазам, и он потерял непростительные для спортсмена несколько нужных секунд.

Поляк хрипло вскрикнул и понесся с невероятной быстротой к выходу. Дежурный агент, которому было приказано лишь следить за ним издали, — беспрепятственно пропустил его на улицу и проскользнул вслед.

Двойник убитого остался спокойно стоять у окошечка. Холодные, с темным ободком глаза его не выражали ничего, кроме изумления. Он пожал плечом, когда поляк скрылся, и подал телеграфисту бланк. Шельга прочел из-за его плеча:

«Париж, Бульвар Батиньель, до востребования, номеру 555. Немедленно приступите к анализу, качество повысить на пятьдесят процентов, в середине мая жду первой посылки. П. П.».

— Телеграмма касается ученых работ, ими сейчас занят мой товарищ, командированный в Париж Институтом Неорганической Химии, — сказал он телеграфисту, опять было начавшему складывать губы трубкой. Затем неспеша и методично потянул из кармана папиросную коробку, постукал папиросой и осторожно закурил ее. Тогда Шельга учтиво сказал ему:

— Разрешите вас на два слова.

Человек с бородкой стремительно взглянул на него, опустил ресницы и ответил с крайней любезностью:

— Пожалуйста.

Взял квитанцию, запахнул пальто и — снова с вежливой улыбкой:

— Пожалуйста.

— Я агент уголовного розыска, — сказал Шельга, приоткрывая карточку, — может быть, поищем более удобное место для разговора.

— Вы хотите арестовать меня?

— Ни малейшего намерения. Я хочу вас предупредить, что поляк, который отсюда выбежал, намерен вас убить так же, как вчера на Крестовском он убил инженера Гарина.

Человек с бородкой на миг задумался. Ни вежливость, ни спокойствие не покинули его.

— Пожалуйста, — сказал он, — идите, у меня четверть часа свободного времени.

9.

На улице близ почтамта к Шельге подбежал дежурный агент, — губы трясутся, щеки в багровых пятнах.

— Василий Витальевич, он ушел.

— Зачем же вы его упустили?

— Его автомобиль ждал, Василий Витальевич.

— Где ваш мотоциклет?

— Вон, валяется, — сказал агент, показывая на мотоцикл в ста шагах от почтамтского подъезда, — он подскочил — и ножом по шине. Я заснул. Он — в машину и — ходу.

— Заметили номер автомобиля?

— Нет.

- Почему? Я подам на вас рапорт за нераспорядительность.
- Василий Витальевич, у него номер нарочно весь грязью залеплен.
- Хорошо, идите в Угрозыск, через двадцать минут и я буду.

Шельга догнал человека с бородой. Некоторое время они шли молча. Свернули к бульвару Профсоюзов.

— Вы поразительно похожи на убитого, — сказал Шельга.

— Мне это неоднократно приходилось слышать, моя фамилия Пьянков-Питкевич, — с готовностью ответил человек с бородой. — Во вчерашней вечерней я прочел об убийстве Гарина. Это ужасно. Я хорошо знал его. Дельный работник, прекрасный химик. Я часто бывал в его лаборатории на Крестовском. Он готовил крупное открытие по военной химии. Вы имеете понятие о так называемых дымовых свечах?

— Как вы думаете — убийство Гарина связано с интригами Польши?

— Не думаю. Подкладка убийства гораздо серьезнее. Сведения о работах Гарина попали в американскую печать. Польша могла быть только передаточной инстанцией.

На бульваре Профсоюзов Шельга предложил присесть. Сели на скамью. Было безлюдно. Вдали дворник лениво мел улицу. Шельга вынул из портфеля вырезки из русских и иностранных газет, разложил на коленях.

— Вы говорите, что Гарин работал по химии, сведения о нем проникли в зарубежную печать. Здесь кое-что совпадает с вашими словами, кое-что мне не совсем ясно. Вот прочтите:

...«В Америке заинтересованы сообщением о работах одного русского изобретателя. Предполагают, что его прибор обладает наиболее могучей из всех известных до сих пор разрушительной силой».

Питкевич прочел, улыбаясь углом рта, полез в карман за папиросами:

— Странно, — сказал он, — не знаю... Нет, это не про Гарина, это другое.

Шельга подал вторую вырезку:

...«В связи с предстоящими большими маневрами американского флота в Тихоокеанских водах, был сделан запрос в военном министерстве, — известно ли о приборах колоссальной разрушительной силы, строящихся в России, что должно внушать некоторые опасения как со стороны усиления Советских Республик, так и со стороны недавней русско-японской дружбы»...

— Любопытно, — сказал Питкевич и взял у Шельги третью вырезку:

...«Химический король, миллиардер Роллинг, отбыл в Европу. Его отъезд связан с организацией могущественного треста заводов, обрабатывающих продукты угольной смолы и поваренной соли. Этот химический кулак будет угрозой для всякой попытки нарушить мировое равновесие и заставит Советские Республики задуматься над долговечностью их строя и дальнейшей возможностью вести разрушительную пропаганду».

Питкевич сказал, слегка нахмутив брови:

— Да, это прямо касается дела, которым занимался Гарин. Весьма возможно — его убийство связано как-то с этой заметкой.

...«В отделе изобретений, — прочел он, затем, вырезку из Московской «Правды», — получено сведение, что в Ленинграде в одной из частных лабораторий ведутся интересные работы в области передачи тепловой энергии на большое расстояние».

— Да, вот это, несомненно, сообщение о несчастном Гарине.

— Вы спортсмен? — неожиданно спросил Шельга, взял его руку и повернул ее ладонью вверх, — я сам страстно увлекаюсь спортом.

— Вы смотрите, нет ли у меня мозолей от весел, товарищ Шельга?.. Видите два пузырька — это указывает, что я плохо гребу и что я два дня тому назад, действительно, греб около полутора часов под-ряд, отвозя Гарина в лодке на Крестовский остров... Вас удовлетворяют эти сведения?..

Шельга отпустил его руку и засмеялся.

— Вы молодчина, товарищ Питкевич, с вами любопытно было бы поговорить всерьез.

— От серьезной борьбы я никогда не отказываюсь.

— Скажите, Питкевич, вы знавали раньше этого поляка с четырьмя пальцами?

— Вы хотите знать, — почему я изумился, увидя у него четырехпалую руку. Вы очень наблюдательны, товарищ Шельга. Да, я изумился... больше — я испугался.

— Почему?

— Ну, вот, этого я вам не скажу.

Шельга покусал кожу на губе. Смотрел вдоль пустынного бульвара.

Питкевич продолжал:

— Скажу больше — у него не только изуродована рука, — у него на теле чудовищный шрам наискосок через грудь. Изуродовал его Гарин в 1919 году. Человека этого зовут Стась Тыклинский... Раньше он носил большую бороду...

— Что же, — спросил Шельга, — покойный Гарин изуродовал его тем же способом, каким он разрезал трехдюймовые доски?

Питкевич быстро повернул голову к собеседнику, и они некоторое время глядели в глаза друг другу: одни спокойно и непроницаемо, другой весело и открыто.

— Арестовать меня, все-таки, вы намереваетесь, товарищ Шельга?

— Нет... Это мы всегда успеем.

— Вы правы. Я знаю много. Но, разумеется, никакими принудительными мерами вы не попытаете у меня того, чего я не хочу открывать. Вступлении я не замешаю, вы сами знаете. Хотите — игру, в открытую? Условия борьбы таковы: после хорошего удара мы встречаемся и откровенно беседуем. Это похоже на шахматную партию. Запрещенные приемы — убивать друг друга до смерти. Кстати — откуда мы с вами беседуем, вы раза три подвергались смертельной опасности, уверяю вас — я не шучу. Если бы на вашем месте сидел Стась Тыклинский, его нашли бы через некото-

рое время безнадежно мертвым, с отвратительными пятнами на теле... Но, повторяю, к вам этих фокусов применять не стану... Хотите партию?

— Ладно. Согласен, — сказал Шельга, блестя глазами, — нападать буду я первым, так?

— Разумеется, если бы вы не поймали меня на почтамте, я бы сам, конечно, не предложил игры. А что касается четырехпалого поляка—обещаю вам помочь в его розыске. Где бы его ни встретил — я вам телеграфирую.

— Ладно. А теперь, Питкевич, покажите, что у вас за штука такая, чем вы грозитесь?..

Питкевич качнул головой, усмехнулся: — «будь по-вашему — игра открытая» и осторожно вынул из бокового кармана плоскую металлическую коробку. В ней лежали перчатка из коричневой замши и металлическая в палец толщины трубка.

10.

Подходя к уголовному розыску, Шельга сразу остановился, — будто налетел на невидимую стену: «Хе! — выдохнул он, — хе! — и бешено топнул ногой, — ах, ловкач, ах, артист!»

Шельга действительно был одурочен в чистую. Он стоял в двух шагах от убийцы (в этом теперь не было сомнения) и не взял его. Он говорил с человеком, знающим, видимо, все нити убийства, и тот умудрился ничего ему не сказать по существу. Этот Пьянков-Питкевич владел какой-то тайной... Шельга вдруг понял, — именно государственного, мирового значения была эта тайна... Он уже за хвост держал Пьянкова-Питкевича, — вывернулся, проклятый, обошел.

Шельга вбежал на третий этаж к себе в отдел. На столе, освещенном боковым светом низкого, у самого пола, полукруглого окна, лежал пакет из газетной бумаги. В глубокой нише окна сидел смиренный толстенький человек в смазных сапогах и байковой куртке. Держа картуз у живота, он поклонился Шельге:

— Бабичев, управдом, — сказал он с сильно самогонным духом, — по Пушкинской улице двадцать четвертый номер дома, жилтоварничество. — Это вы принесли пакет?

— Я принес. Из квартиры номер тринадцатый. Это не в главном корпусе, а в пристройке. Жилец вторые сутки у нас пропал. Сегодня милицию позвали, дверь вскрыли, составили акт в порядке закона, — домоуправ прикрыл рот рукой, щеки его покраснели, глаза слегка вылезли; увлажнились, дух самогона наполнил комнату, — значит, этот пакет я нашел дополнительно в печке.

— Фамилия пропавшего жильца?

— Савельев, Иван Алексеевич.

Шельга развернул пакет. Там оказались — фотографическая карточка Пьянкова-Питкевича, гребень, ножницы и склянка темной жидкости (краска для волос).

— Чем занимался Савельев?

— По ученой части. Когда у нас фановая труба, конечно, лопнула — комитет к нему обратился... Он: — «рад бы, — говорит. — вам помочь, но я — химик»

— Он часто отлучался по ночам с квартиры?

— По ночам? Нет. Не замечалось, — управдом опять прикрыл рот, — чуть свет он — со двора, это верно. Но так, чтобы по ночам — не замечалось, пьяным не видели.

— Ходили к нему знакомые?

— Не замечалось.

Шельга по телефону запросил отдел милиции Петроградской стороны, — оказалось в пристройке дома, двадцать четыре по Пушкинской, действительно, проживал Савельев Иван Алексеевич, тридцати шести лет, инженер-химик. Поселился на Пушкинской в феврале с удостоверением личности, выданным Тамбовской милицией.

Шельга послал телеграфный запрос в Тамбов и на автомобиле вместе с управдомом поехал на Фонтанку, где в отделе уголовного следствия, на леднике, лежал труп человека, убитого на Крестовском. Управдом сейчас же в нем признал жильца из тринадцатого номера.

11.

В то же приблизительно время тот, кто называл себя Пьянковым-Пиктевичем, подъехал на извозчике с поднятым верхом к одному из пустырей на Петроградской стороне близ Малого проспекта, расплатился и пошел по тротуару вдоль пустыря. Улица была пустынна, — он открыл калитку в досчатом заборе, миновал двор, где между остатками асфальта уже начала зеленеть трава и поднялся по узкой лестнице черного хода на пятый этаж. Двумя ключами открыл дверь, повесил в пустой прихожей на единственный гвоздь пальто и шляпу, вошел в комнату, где четыре окна до половины были замазаны мелом, сел на диван и закрыл лицо руками.

Только здесь в уединенной комнате (уставленной книжными полками и физическими приборами), он мог отдаться, наконец, ужасному волнению, почти отчаянию, потрясшему его со вчерашнего дня.

Его руки, сжимавшие лицо, дрожали. Он понимал, что смертельная опасность еще не миновала. Он был в окружении. Какие-то небольшие возможности складывались в его пользу, но из ста девяносто пять было против.

«Как неосторожно, ах, как неосторожно», — прошептал он. Подсунул под голову подушку, лег навзничь и закрыл глаза. Мускулы его мыслей, перегруженные страшным напряжением, распрямились и отдыхали. Несколько минут мертвой неподвижности освежили его. Он поднялся, налил стакан мадеры и выпил одним глотком. Когда горячая волна пошла по телу, он как бы воздухом вымыл себе руки, сильно провел по глазам и стал шагать по комнате с методичной неторопливостью, ища этих небольших возможностей к спасению.

Он осторожно отогнул полосу старых обоев, вынул из-за них листы чертежей и свернул их трубкой. Снял с полок все физические приборы, отобрал несколько книг и все это, вместе с чертежами, уложил в чемодан. Поминутно останавливаясь, прислушиваясь, отнес чемодан вниз и в одном из темных деревянных подвалов спрятал его под гнилыми рогожами. Слова поднялся к себе, вынул из письменного стола револьвер, осмотрел, сунул в задний карман.

Было без четверти пять. Он лег и курил одну папиросу за другой, бросая окурки в угол. «Разумеется, они не нашли», — почти закричал он, сбрасывая ноги с дивана. И снова бегал по диагонали комнаты, мыл воздухом руки. В сумерки он натянул грубые сапоги, надел парусиновое пальто и вышел из дома.

12.

В полночь, в шестнадцатом отделении милиции, был вызван к телефону дежурный. Торопливый голос проговорил ему в ухо:

— На Крестовский, на дачу, где позавчера было убийство, послать немедленно помощь...

Голос прервался. Дежурный сволочнулся в трубку. Вызвал проверочную. Оказалось, что звонили из Гребной школы. Позвонил в Гребную школу. Там долго трещал телефон, наконец, заспанный голос проговорил:

— Что нужно?

— От вас сейчас звонили?

— Звонили, — зевнув, сказал голос.

— Кто звонил?.. Вы видели?

— Нет, у нас электричество испорчено... Сказали, что по поручению товарища Шельги, — я пустил...

Через полчаса четверо милиционеров выскочили из грузовичка у заколоченной дачи на Крестовском. За березами тускло багровел остаток зари. В тишине слышались слабые стоны. Человек в тулупе лежал ничком близ черного крыльца. Его перевернули, — оказался сторож. Около него валялась вата, пропитанная хлороформом.

Дверь крыльца была раскрыта настежь, замок сорван. Когда милиционеры проникли внутрь дачи, — из подполья чей-то заглушенный голос стал кричать:

— Люк, отвалите люк на кухне, товарищи...

Столы, ящики, тяжелые мешки навалены были горой у стены на кухне. Их раскидали, подняли крышку люка. Из подполья выскочил Шельга, — весь в паутине, в пыли, глаза дикие:

— Скорее, сюда! — крикнул он, исчезая за дверью, — свет, скорее!

В комнате (с железной кроватью) в свете потайных фонарей увидели на полу два расстрелянных револьвера, коричневый бархатный картуз и отвратительные, с едким запахом, следы рвоты...

— Осторожнее! — крикнул Шельга. — Не дышите, уходите, это — смерть!

Отступая, тесня к дверям милиционеров, он с ужасом, с омерзением глядел на валяющуюся на полу металлическую трубку величиной с человеческий палец.

13.

Как все, крупного масштаба, деловые люди, — химический король Роллинг принимал по делам в особо для того снятом помещении, офисе, где два его секретаря фильтровали посетителей устанавливали степень их важности. читали мысли и с чудовищной вежливостью отвечали на все вопросы; стенографистка превращала в кристаллы человеческих слов идеи Роллинга, которые (если взять их арифметическое среднее за год и умножить на денежный эквивалент) стоили приблизительно: пятьдесят тысяч долларов каждый протекаемый за одну секунду отрезок идеи короля неорганической химии; миндалевидные ногти четырех машинисток не переставая порхали по клавишам четырех Ундервудов; мальчик для поручений (с пуговичками) немедленно после звонка вырастал перед глазами Роллинга, как сгустившаяся материя его воли.

Офис Роллинга на бульваре Мальзерб был мрачным и серьезным помещением. Темного штофа стены, темные бобрики на полу, темная кожаная мебель. На темных столах, покрытых стеклом — сборники реклам, справочные книги в коричневой юфте, проспекты химических заводов, заржавленный бомбомет, привезенный с полей войны и поставленный у камина в виде украшения.

За высокими, темного ореха, дверями в кабинете среди диаграмм, картограмм и фотографий сидел химический король. Профильрованные посетители неслышно по бобрику входили в приемную, садились на кожаные стулья и с глухим волнением глядели на ореховую дверь: там за дверью самый воздух в кабинете химического короля был неизмеримо драгоценен, так как его пронизывали мысли, стоящие пятьдесят тысяч долларов в секунду.

Какое человеческое сердце могло бы не дрогнуть, когда среди почтенной тишины приемной вдруг зашевелится бронзовая, в виде лапы, держащей шар, массивная ручка ореховой двери, откроется щель света и в двухсантиметровом просвете двери появится маленький человек в сером пиджачке, с известной всему миру бородкой, покрывающей щеки, мучительно-неприветливый, острый, как шип... появится и вонзится глазами в того, в кого нужно, и проговорит с сильным американским акцентом: «прошу»...

И раньше до Роллинга бывали великие люди. Но скажем — войди в эту приемную, на бульваре Мальзерб, Чингисхан, или Карл Великий, или сам Наполеон, — смутились бы заробели, бедняги, ни с того ни с сего принялись бы смущенно улыбаться и, глядишь, не прошло и минуты, — герой, про которого мы все учили в истории, сидит смиренно на кожаном стуле и не сводит глаз с ореховой двери, даже не мигает, чтобы не пропустить, когда пошевелится бронзовая лапа, держащая шар.

14.

Секретарь (с чудовищной вежливостью) спросил, держа золотой карандаш двумя пальцами:

— Простите, месье, ваше фамилия?

— Полковник Шаповалов, русский... эмигрант, как видите. Крупный помещик.

Отвечавший сердито вскинул плечи и скомканным платком провел по серым усам.

Секретарь, улыбаясь так, будто разговор касается приятнейших, дружеских вещей, пролетел карандашом по блок-нотку и спросил совсем уже осторожно:

— Какая цель, месье Шаповалов, вашей предполагаемой беседы с мистером Роллингом?

— Чрезвычайная, весьма существенная...

— Быть может, я попытаюсь изложить ее, вкратце, для представления мистеру Роллингу?

— Видите ли, — цель, так сказать, проста: план... Обоюдная выгода...

— План, касающийся химической борьбы с большевиками, я так понимаю? — спросил секретарь.

— Совершенно верно... Я намерен предложить мистеру Роллингу...

— Я боюсь, — проговорил секретарь и приятное лицо его изобразило даже страдание, — боюсь, что мистер Роллинг немного перегружен подобными планами. С прошлой недели к нам поступило от одних только русских сто двадцать четыре предложения о химической войне с большевиками. У нас в портфеле имеется прекрасная диспозиция воздушно-химического нападения одновременно на Харьков, Москву и Ленинград. Автор диспозиции остроумно разворачивает силы на плацдармах буферных государств, — очень, очень интересно. Автор дает даже точную смету: 6.850 тонн горчичного газа, для поголовного истребления жителей в этих столицах.

Полковник Шаповалов, побавровев от страшного прилива крови, перебил:

— В чем же дело, мистер, как вас... Мой план не хуже, но и этот — превосходный план. Надо действовать. От слов к делу... За чем же остановка?

— Дорогой полковник, остановка только за тем, что мистер Роллинг пока еще не видит эквивалента своим расходам.

— Какого такого эквивалента? — спросил полковник.

— Сбросить 6.850 тонн горчичного газа с аэропланов не составит труда для мистера Роллинга, но на это потребуются некоторые расходы. Война стоит денег, не правда ли? В представляемых планах мистер Роллинг пока что видит одни расходы. Но эквивалента, т.-е. дохода с предприятия — в этих планах по досадной случайности не указывается.

— Ясно как божий день... доходы... колоссальные доходы всякому, кто возвратит России законных правителей, законный, нормальный строй — золотые горы такому человеку, — полковник, как орел из-под косматых бровей, уперся глазами в секретаря. — Ага! Значит указать также и доходы?

— Точно, вооружась цифрами: налево — пассив, направо — актив, затем — черту и разницу со знаком плюс, которая может заинтересовать мистера Роллинга.

— Ага! — полковник засопел, надвинул пыльную шляпу, пошел к двери.

— Хорошо, ему нужен эквивалент, я покажу эквивалент.

15.

Не успел полковник выйти — в подъезде послышался протестующий голос мальчика, затем другой голос выразил желание, чтобы мальчишку взяли черти, и перед секретарем появился Семенов в расстегнутом пальто — в руке шляпа и трость, в углу рта изжеванная сигара.

— Доброе утро, дружище, — торопливо сказал он секретарю и бросил на стол шляпу и трость, — пропустите меня к королю вне очереди.

Золотой карандашик секретаря повис в воздухе:

— Но мистер Роллинг сегодня особенно занят...

— Э, вздор, дружище... У меня в автомобиле дожидается человек, — только что из Варшавы... Скажите Роллингу, что мы по делу Гарина.

У секретаря взлетели брови. Едва касаясь лакированными туфлями бобрика, он прошел в ореховую дверь.

Два десятка дельцов приподнялись, задержали дыхание и опять сели на кожаные стулья. Секретарь почти тотчас же выскользнул из кабинета. Брови подняты выше. Рысцей пролетел по бобрикам, позвал Семенова и препроводил его за ореховую дверь, после чего только взял из бокового карманчика шелковый платочек и поднес его к губам.

Семенов встал перед глазами химического короля. Семенов не выразил при этом особого волнения, во-первых, потому, что по натуре был хам, во-вторых, потому, что в эту минуту король нуждался в нем больше, чем он в короле.

Роллинг просверлил его зелеными глазами. Семенов, и этим не смущаясь, сел напротив него по другую сторону стола. Роллинг сказал:

— Ну?

— Дело сделано.

— Чертежи?

— Видите ли, Роллинг, тут вышло некоторое недоразумение...

— Я спрашиваю, где чертежи? Я их не вижу, — сквозь зубы свирепо сказал Роллинг и ладонью три раза легко ударил по столу.

— Слушайте, Роллинг, мы условились, что я вам доставлю не только чертежи, но и самый прибор... Я сделал колоссально много... Нашел людей..

Послал их в Петербург... Они проникли в лабораторию Гарина. Они видели действие прибора... Но тут, черт его знает, что-то случилось... Во-первых, Гариных оказалось двое.

— Я это предполагал в самом начале, — брезгливо сказал Роллинг.

— Одного нам удалось убрать.

— Вы его убили?

— Если хотите — что-то в этом роде. Во всяком случае он умер. Вас это не должно беспокоить: ликвидация произошла в Петербурге, сам он советский подданный, — пустяки... Но затем появился его двойник... Тогда мы сделали чудовищное усилие...

— Одним словом, — перебил Роллинг, — двойник или сам Гарин жив, и ни чертежей, ни приборов вы мне не доставили, несмотря на затраченные мною деньги.

— Хотите — я позову — в автомобиле сидит Стась Тыклинский, участник всего этого дела, — он вам расскажет подробно.

— Не желаю видеть никакого Тыклинского, мне нужны чертежи и прибор... Удивляюсь вашей смелости — являться с пустыми руками...

Несмотря на холод этих слов, — температуры, приблизительно, междупланетного пространства, — несмотря на то, что, окончив говорить, Роллинг смертельно посмотрел на Семенова, уверенный, что паршивый русский испеленится и исчезнет без следа, — Семенов подмигнул, сунул в рот изжеванную сигару и проговорил бойко:

— Не хотите видеть Тыклинского и не надо, — удовольствие маленькое. Но, вот, какая штука: мне нужны деньги, Роллинг, — тысяч двадцать франков. Чек дадите, или наличными?

При всей огромной опытности и знании людей Роллинг первый раз в жизни видел такого нахала. У Роллинга выступило даже что-то вроде испарины на мясистом носу, — такое он сделал над собой усилие, чтобы не въехать чернильницей в морду Семенову... (А сколько было потеряно драгоценнейших по пятидесяти тысяч долларов секунд во время этого дрянного разговора.) Овладев собою, он потянулся нажать кнопку звонка.

Семенов, следя за его рукой, сказал:

— Дело в том, дорогой мистер Роллинг, что инженер Гарин сейчас в Париже.

16.

Роллинг вскочил, — ноздри распахнулись, между бровей вздулась жила. Он подбежал к двери и запер ее на ключ, затем близко подошел к Семенову, взялся за спинку кресла, другой рукой вцепился в край стола. Наклонился к самому его лицу.

— Вы лжете!

— Ну, вот еще, стану я врать... Дело было так: Стась Тыклинский встретил этого гаринского двойника в Петербурге на почте, когда тот сдавал телеграмму, — и заметил адрес: Париж, бульвар Батиньоль... Вчера Тыклинский приехал из Варшавы, и мы сейчас же побежали на бульвар Ба-

тиньоль, и — пос к носу напоролись в кафе на Гарина, или на его двойника, чорт их разберет.

Роллинг ползал глазами по веснущатому лицу Семенова. Затем выпрямился, из легких его вырвалось пережеженое дыхание.

— Вы прекрасно понимаете, что мы не в Советской России, а в Париже, — сказал он: — если вы совершите преступление, спастись от гильотины я вас не буду. Но если вы попытаетесь меня обмануть, я вас растопчу...

Он вернулся на свое место, с отвращением раскрыл чековую книжку: «двадцать тысяч не дам, с вас довольно и пяти»... Выписал чек, ногтем кинул его по столу Семенову, и снова это был непроницаемый и уравновешенный король неорганической химии.

Семенов вышел из кабинета через маленькую дверь в штофных обоях.

17.

Разумеется, не по воле случая красавица Зоя Монроз стала любовницей химического короля.

Только глупцы, да те, кто не знает, что такое борьба и победа — видят повсюду случай.

«Вот такому-то везет, чорт его подери, — говорят они с завистью, — за что ни возьмется — удача, полны карманы денег, женщины липнут, счастливый».

Удачников мало, потому что не так уж и много умных и волевых людей. Толпа (этот угрюмый, спянный по одному лишь признаку — жажде наслаждения — коллектив буржуазного общества) смотрит на них, как на чудо, с трепетом и завистью. Когда счастливец сорвется — тысячи дураков неудачников со сладострастием растопчут его, отвергнутого божественным случаем.

Зоя Монроз была умная и решительная женщина. Ум ее был настолько едок, что она сознательно поддерживала среди окружающих веру в исключительное расположение к себе божественной фортуны (на колесе с крыльшками).

В квартале, где она жила (левый берег Сены, улица Сены) в мелочных, колониальных, винных, угольных и гастрономических лавочках считали Зою Монроз чем-то вроде святой, осененной благодатью счастья. Ее дневной автомобиль — черный лимузин, 24 HP, ее прогулочный автомобиль — красный полубожественный Рольс-Ройс, 80 HP, ее вечерняя электрическая каретка — внутри лилового стеганого шелка с вазочками для цветов и серебряными ручками и в особенности выигрыш в казино в Довилле полтора миллиона франков, — вызывали религиозное восхищение в квартале.

Половину выигрыша, осторожно с огромным знанием дела, Зоя Монроз «вложила» в прессу.

С октября месяца (начало парижского сезона) пресса «подняла красавицу Монроз на перья». Сначала в мелко-буржуазной газетке появился

пасквиль о разоренных любовниках Зои Моироз. «Красавица слишком дорого нам стоит», — восклицала газета. Затем влиятельный республиканский орган, ни к селу ни к городу, по поводу этого пасквиля загремел о мелких буржуа, посылающих в парламент лавочников и винных торговцев с кругозором не шире их квартала. «Пусть Зоя Моироз разорила дюжиину иностранцев, — восклицала газета, — их деньги возвращаются в Париже, они увеличивают на несколько единиц энергию жизни. Для нас Зоя Моироз лишь символ здоровых жизненных отношений, символ вечного движения, где один падает, другой подымается».

Портреты и биографии Зои Моироз сообщались во всех газетах:

«Ее покойный отец служил в императорской опере в С.-Петербурге. Восьми лет очаровательная малютка Зоя была отдана в балетную школу. Перед самой войной она ее кончила и дебютировала в балете с успехом, который не запомнит Северная столица. Но вот — война, и Зоя Моироз с юным сердцем, переполненным милосердия, бросается на фронт, одетая в ситцевое платьице с красным крестом на груди. Ее встречают в самых опасных местах, спокойно наклоняющуюся над раненым солдатиком среди урагана вражеских снарядов. Она ранена (что, однако, не нанесло ущерба ее телу юной Грации), ее везут в Петербург, и там она знакомится с капитаном французской армии, — агентом миссии. Революция. Россия предает союзников. Душа Зои Моироз потрясена Брестским миром. Вместе со своим другом французским капитаном она бежит на юг и там верхом на коне, с винтовкой в руках, прекрасная, как разгневанная богиня, борется с большевиками. Ее друг умирает от сыпного тифа. Французские моряки увозят ее на миноносце в Марсель. И вот она в Париже. Она бросается к ногам президента, прося дать ей возможность стать французской подданной. Она танцует в пользу несчастных жителей разрушенной Шампани. Она — на всех благотворительных вечерах. Она, как ослепительная звезда, упавшая на тротуары Парижа».

В общих чертах биография была правдива. В Париже Зоя быстро осмотрелась и пошла по линии: всегда вперед, всегда с боями, всегда к самому трудному и ценному. Она, действительно, разорила дюжину скоробогачей, тех самых коротеньких молодчиков с волосатыми пальцами в перстнях и с воспаленными щеками. Зоя была дорогая женщина, и они погибли, принужденные безумно играть.

Очень скоро она поняла, что скоробогатые молодчики не дадут ей большого шика в Париже. Тогда она взяла себе в любовники модного журналиста, изменила ему с парламентским деятелем от крупной промышленности и поняла, что самое шикарное в двадцатых годах двадцатого века это — химия.

Она завела секретаря, который ежедневно делал ей доклады об успехах химической промышленности и давал нужную информацию. Таким образом она узнала о предполагающейся поездке в Европу короля химии Роллинга.

Она сейчас же выехала в Нью-Йорк. Там на месте купила с душой и телом репортера большой газеты, — совершенно безответственную личность, и в прессе появились заметки о приезде в Нью-Йорк самой умной, самой красивой в Европе женщины, которая соединяет профессию балерины с увлечением самой модной наукой — химией, и даже вместо банальных бриллиантов носит по вечерам ожерелье из хрустальных шариков, наполненных светящимся газом. Эти шарики подействовали на воображение американцев.

Когда Роллинг сел на гигантский пароход, отходящий во Францию, — на верхней палубе, на площадке для тенниса, между широколистной пальмой, шумящей от морского ветра и деревом цветущего миндаля, сидела в плетеном кресле Зоя Монроз. Роллинг знал, что это самая модная женщина в Европе, кроме того, она действительно ему понравилась. Он предложил ей быть его любовницей. Зоя Монроз поставила условием подписать контракт на четырнадцать месяцев с неустойкой в миллион долларов.

О новой связи Роллинга и о необыкновенном контракте дано было радио из открытого океана. Эйфелева башня приняла эту сенсацию, и на следующий день Париж заговорил о Зое Монроз и о химическом короле.

18.

Роллинг не ошибся в выборе любовницы. Еще на пароходе Зоя Монроз сказала ему:

— Милый друг, было бы глупо с моей стороны совать нос в ваши дела. Но вы скоро увидите, что как секретарь я еще более удобна, чем как любовница. Женская дребедень меня мало занимает. Я честолюбива. Вы большой человек. Я верю в вас. Вы должны победить. Не забудьте, — я пережила революцию, у меня был сыпняк, я дралась. Однажды я сидела на коне, с винтовкой поперек седла и глядела, как на габарите моста вешают четырех комиссаров. На мне была гимнастерка с погонами и шифром покойного императора. Это незабываемо. Моя душа выжжена ненавистью. Мстить, мстить без пощады... Залить облаками ядовитого газа всю Россию... Я хочу, чтобы вы стали владыкой мира...

Роллингу показалось занимательной ее ледяная страстность, ее мрачная ненависть. Он прикоснулся пальцем к кончику ее носа и сказал:

— Крошка, для секретаря при деловом человеке у вас слишком много темперамента, вы сумасшедшая, в политике и делах вы всегда останетесь диллетантом.

В Париже он начал вести переговоры о трестировании химических заводов. Америка вкладывала чудовищные капиталы в промышленность Старого Света. Агенты Роллинга осторожно скупали акции. В Париже его называли «американским буйолом». Действительно, он казался великаном среди европейских промышленников. Он шел напролом. Луч зрения его был узок. Он видел перед собой одну цель: сосредоточение в одних (своих) руках мировой химической промышленности.

Зоя Монроз быстро изучила его характер, его приемы борьбы. Она поняла его силу и его слабость. Он плохо разбирался в политике и говорил иногда глупости о революции и о большевиках. Она незаметно окружила его нужными и полезными людьми. Свела его с миром журналистов и руководила беседами. Она покупала мелких хроникеров, на которых он не обращал внимания, — но они оказали ему больше услуг, чем солидные журналисты, потому что проникали, как москиты, во все щели жизни.

Когда она устроила в парламенте небольшую речь правого депутата: «о необходимости тесного контакта с американской промышленностью в целях химической обороны Франции», — Роллинг в первый раз по-мужски, дружески, со встряхиванием пожал ей руку:

— Очень хорошо, я беру вас в секретари с жалованием 27 долларов в неделю.

Роллинг поверил в полезность Зои Монроз и стал с ней откровенен по деловому, то-есть — до конца.

19.

Зоя Монроз поддерживала связи с некоторыми из русских эмигрантов. Один из них, Семенов, состоял у нее на постоянном жаловании. Он был инженером-химиком выпуска военного времени, затем прапорщиком, затем белым офицером, в эмиграции звался «кольонель» и занимался мелкими комиссиями, начиная от перепродажи ношенных платьев бульварным девчонкам.

У Зои Монроз он заведывал контр-разведкой. Приносил ей советские журналы и газеты, сообщал сведения, сплетни и слухи. Он был исполнительен, боек и не брезглив.

Узнав с созданием в Советской России Доброхима — Зоя пришла в ярость. Роллинг успокоил ее: «Вздор, у них нет денег, дальше газетных листов Доброхим не уйдет». Она не успокоилась. Семенов добывал ей теперь через шпионов все советские газеты. Она внимательно прочитывала их. Однажды очень взволнованная, она показала Роллингу вырезку из «Правды», где сообщалось о строящемся в Ленинграде приборе огромной разрушительной силы. Роллинг засмеялся:

— Вздор, никто не испугается... Просто вы стали слишком нервны, дорогая крошка.

Тогда Зоя пригласила к завтраку Семенова, и он рассказал по поводу этой заметки странную историю:

...«В девятнадцатом году в Петрограде незадолго до моего бегства, встречаю на улице приятеля, поляка, вместе с ним кончили технологический институт, — Стась Тыклинский. Мешок за спиной, ноги обмотаны кусками ковра, на пальто цифры мелом, — следы очередей. Словом все, как полагается. Но лицо оживленное. Подмигивает. В чем дело? Я, говорит, на такое золотое дело наскочил — ай люли, — миллионы, какой там, — сотни миллионы (золотых, конечно) вот здесь, — и хлопнул себя по карману до-

цельзя рваного пальто. Я, разумеется, пристал, — расскажи. Он смеется. На том и расстались. Недели через две после этого я проходил по Васильевскому острову, где жил Тыклинский. Вспомнил про его золотое дело, — думаю, дай попрошу у миллионера копченой свининки, сахару полфунтика. Зашел. Оказывается — Тыклинский лежит чуть ли не при смерти. — рука и грудь забитованы. — «Кто это тебя так отделал?» — «Подожди. — отвечает, — святая дева поможет — поправлюсь — я его убью». — «Кого?» — «Гарииа».

«И он рассказал, правда сбивчиво и туманно, не желая открывать мне подробности, про то, как давнишний его знакомый инженер Гарииа предложил ему приготовить угольные свечи — пирамидки для какого-то прибора необыкновенной разрушительной силы. Чтобы заинтересовать Тыклинского, он обещал ему процент с барышей. Он предполагал по окончании опытов ударить с готовым прибором в Швецию, взять там патент и самому открыть производство».

«Тыклинский с увлечением начал работать над пирамидками. Задача была такова, чтобы при малом их объеме — выделялось возможно большее количество тепла. Устройство прибора Гарииа держал в тайне, — говорил, что принцип его необычайно прост и поэтому малейший намек раскроет тайну. Опыты он производил где-то за городом. Тыклинский поставлял ему пирамидки, но ни разу не мог упросить присутствовать при опытах».

«Такое недоверие бесило Тыклинского. Они часто ссорились. Однажды Тыклинский проследил Гарииа до места, где он производил опыты. Это был полуразрушенный дом на одной из глухих улиц Петербургской стороны. Тыклинский пробрался туда вслед за Гарииа, и долго ходил по каким-то лестницам, пустынным комнатам с выбитыми окнами и, наконец, в подвале услышал сильное, точно от бьющей струи пара, шипение и знакомый запах горящих пирамидок».

«Он осторожно спустился в подвал, но споткнулся о битые кирпичи, упал, нашумел и шагах в тридцати от себя за аркой увидел освещенное коптилкой перекошенное лицо Гарииа. «Кто, кто это?» — дико закричал Гарииа, и в это же время ослепительный луч, не толще вязальной иглы, соскочил со стены и резнул Тыклинского наискосок через грудь и руку».

«Тыклинский очнулся на рассвете, долго звал на помощь и на четвереньках выполз из подвала, обливаясь кровью. Его подобрал прохожий, доставили на ручной тележке домой. Когда он выздоровел — началась война с Польшей, — ему пришлось уносить ноги за границу...».

Рассказ этот произвел на Зою Моироз необычайное впечатление. Роллинг недоверчиво усмехался: он верил только в силу удушающих газов. Броненосцы, крепости, пушки, громоздкие армии — все это, по его мнению, были пережитки варварства. Аэропланы и химия — вот единственные могучие орудия войны. А какие-то там приборы из Ленинграда — вздор и вздор.

Но Зоя Моироз не успокоилась. Она послала Семенова в Финляндию, чтобы оттуда добыть точные сведения о Гарииа. Белый офицер, нанятый Семеновым, перешел на лыжах русскую границу, собрал в Ленинграде све-

дения, но на обратном пути «засыпался» в ГПУ. Второй разведчик отыскал Гарина, говорил с ним и даже предложил ему совместно работать. Гарин держался очень осторожно. Видимо, ему было известно, что за ним внимательно следят из-за границы. О своем аппарате он говорил, в том смысле, что того, кто будет владеть им — ждет сказочное могущество. Опыты с моделью аппарата — дали блестящие результаты. Сейчас он ждал только окончания работ своих друзей-химиков над свечамн-пнрамндками.

20.

В дождливый воскресный вечер, начала весны, огни из окон и бесчисленные огни фонарей отражались в асфальтах парижских улиц.

Будто по черным каналам над бездной огней мчались кожаные, мокрые автомобили, бежалн, сталкивались, крутились промокшие зонтики. Прелой сыростью бульваров, запахом овощных и кондитерских лавок, бензиновой гарью и духами была напитана дождевая мгла.

Дождь струился по графитовым крышам, по решеткам балконов, по огромным полосатым тентам, раскинутым над кофейнями. Мутно в тумане, зажигались, крутились, мерцали огненные рекламы всевозможных увеселеннй.

Люди маленькие, рабочие, приказчики и приказницы, чиновники и служащие, — развлекались кто как мог в этот день. Люди большие, деловые, солидные сидели по домам у каминнов. Воскресенье было днем чернн, отданным ей на растерзание.

Зоя Монроз сидела, подобрав ноги, на широком диване среди множества подушек. Она курила и глядела на огонь камина. Роллинг во фраке и лакированных туфлях помещался с ногами на скамеечке в большом кресле и тоже курил и глядел на угли.

Его освещенное камином лицо казалось раскаленно красным, мясистый нос, золотые клыки, щеки, заросшие щетинкой, полузакрытые веками, слегка воспаленные глаза повелителя вселенной. Он предавался хорошей скуке, необходимой раз в неделю, чтобы дать отдых мозгу и нервам.

Зоя Монроз протянула перед собой красные, обнаженные руки и сказала:

— Роллинг, прошло уже два часа после обеда.

— Да, — ответил он, — я так же, как и вы, полагаю, что пищеварение окончено.

Ее прозрачные, почти мечтательные глаза скользнули по его лицу. Тихо, серьезным голосом она назвала его по имени. Он ответил, не шевелясь в нагретом кресле:

— Да, я слушаю вас, моя крошка.

Разрешение говорить было дано. Зоя Монроз пересела на край дивана, обхватив колено:

— Скажите, Роллинг, химические заводы представляют большую опасность для взрыва?

— О, да. Четвертое производное от каменного угля — тротил, чрезвычайно могучее взрывчатое вещество. Восьмое производное от угля — пикриновая кислота: ей начиняют броневые снаряды морских орудий. Но есть и еще более сильная штука, это — тетрил.

— А это что такое, Роллинг?

— Все тот же каменный уголь. Бензин (C_6H_6), который получается по прямому ряду, уголь, смола, бензол, смешанный при восьмидесяти градусах с азотной кислотой (HNO_3) — дает нитробензол. Формула нитробензола ($C_6H_5NO_2$). Если мы в ней две части кислорода (O_2) заменим двумя частями водорода (H_2), то-есть если мы нитробензол начнем медленно размешивать при восьмидесяти градусах с чугунными опилками, с небольшим количеством соляной кислоты, то мы получим анилин ($C_6H_5NH_2$). Анилин, смешанный с древесным спиртом при пятидесяти атмосферах давления, даст ди-метил-анилин. Затем выроем огромную яму, обнесем ее земляным валом, внутри поставим сарай и там произведем реакцию ди-метил-анилина с азотной кислотой. За термометрами во время этого будем наблюдать издали, в подозрительную трубу. Реакция ди-метил-анилина с азотной кислотой даст нам тетрил. Этот самый тетрил настоящий дьявол: от неизвестных причин он иногда взрывается во время реакции и разворачивает в пыль огромные заводы. К сожалению, нам приходится иметь с ним дело: обработанный фосгеном — он дает синюю краску, — кристалл-волет. На этой штуке я заработал хорошие деньги в прошлом году. Вы задали мне забавный вопрос... Гм... Я считал, что вы более осведомлены в химии... Гм... Чтобы приготовить из каменноугольной смолы, скажем, облаточку пирамидона, который, скажем, исцелит вашу головную боль, необходимо пройти длинный ряд ступеней... На пути от каменного угля до пирамидона, или до флакончика духов «голубой сон маркизы», или до обычного фотографического препарата — лежат такие дьявольские вещи, как тротил и пикриновая кислота, такие великолепные штуки, как бром-бензил-цианид, хлор-пикрин, ди-фенил-хлор-арсин и так далее и так далее, боевые газы, от которых чихают, плачут, срывают с себя маски, задыхаются, рвут кровью... покрываются нарывами, сгнивают заживо...

Так как Роллингу было скучно в этот дождливый воскресный вечер — он охотно предался размышлению о великом будущем химии.

— Я думаю (он понюхал сигару и поцыкал через золотой зуб), — я думаю, что бог Саваоф создал небо и землю и все живое из каменно-угольной смолы и поваренной соли. В библии об этом прямо не сказано, но можно догадываться. Тот, кто владеет углем и солью — тот владеет миром. Немцы полезли в войну 14 года только потому, что девять десятых химических заводов принадлежало Германии. Немцы понимали тайну угля и соли: они были единственной культурной нацией в то время. Одного лишь они не рассчитали, что мы, американцы, в девять месяцев сможем построить Эджвудский арсенал. Немцы открыли нам глаза, мы поняли, куда нужно вкладывать деньги, и теперь миром будем владеть мы, а не они, потому что деньги после войны — у нас, и химия — у нас, а у них осталась только рабочая сила. Мы

превратим Германию прежде всего, а за ней и другие страны, умеющие работать (неумеющие вымрут естественным порядком, в этом мы им поможем), превратим в одну могучую фабрику... Американский флаг опояшет землю, как бомбоньерку, по экватору и от полюса до полюса.

— Роллинг, — перебила Зоя, — вы сами накликаете беду... Ведь они тогда станут коммунистами... Придет день, когда они заявят, что вы им больше не нужны, что они желают работать для себя... О, я уже пережила этот ужас... Они откажутся вернуть вам ваши миллиарды...

— Тогда, моя крошка, я затоплю Европу горчичным газом.

— Роллинг! будет поздно! — Зоя стиснула руками колено, подалась вперед, лицо ее побледнело от волнения.

— Роллинг, поверьте мне, я никогда не давала вам плохих советов... Я спросила вас — представляют ли опасность для взрыва химические заводы... В руках рабочих, революционеров, коммунистов, в руках ваших врагов, — я это знаю, — окажется оружие чудовищной силы... Они смогут на расстоянии взрывать химические заводы, пороховые погреба, сжигать эскадрильи аэропланов, уничтожать запасы газов, все, что может взрываться и гореть.

Роллинг снял ноги со скамеечки, красноватые веки его мигнули, некоторое время он внимательно смотрел на молодую женщину.

— Насколько я понимаю, вы намекаете опять на..?

— Да, Роллинг, да, на аппарат инженера Гарина... Все, что о нем сообщалось, скользнуло по вашему вниманию... Но я-то знаю, насколько это серьезно... Семенов принес мне странную вещь. Он получил ее из России...

Зоя позвонила. Вошел лакей. Она приказала, и он принес небольшой сосновый ящик, в нем лежал отрезок стальной полосы толщиной в полдюйма. Зоя вынула кусок стали и поднесла к свету камина. В толще стали были прорезаны насквозь каким-то тонким орудием полоски, завитки, и наискосок, словно пером — скорописью, было написано: «проба силы... проба... Гарин». Кусочки стали внутри некоторых букв вывалились. Роллинг долго рассматривал полосу.

— Это похоже на «пробу пера», — сказал он негромко, — как будто писали иглой в мягком масле.

— Это сделано во время испытаний модели аппарата Гарина на расстоянии тридцати шагов, — сказала Зоя. — Семенов утверждает, что Гарин надеется построить аппарат, который легко, как масло, может разрезать дредноут на расстоянии двадцати кабельтовых... Простите, Роллинг, но я настаиваю, — вы должны овладеть этим страшным аппаратом.

Роллинг не даром прошел в Америке школу жизни. До последней клеточки он был вытренирован для борьбы.

Тренировка, как известно, точно распределяет усилия между мускулами и вызывает в них наибольшее возможное напряжение. Так у Роллинга, когда он вступал в борьбу, сначала начинала работать фантазия, — она бросалась в девственные дебри предприятий и там открывала что-либо стоящее внимания. Стоп. Работа фантазии кончалась. Вступал здравый смысл, оце-

нивал, сравнивал, взвешивал, делал доклад: полезно. Стоп. Вступал практический ум, — подсчитывал, учитывал, подводил баланс: актив. Стоп. Вступала воля, крепости молибденовой стали, страшная воля Роллинга, и он, как буйвол, с налитыми глазами ломился к цели и достигал ее, чего бы это ему и другим ни стоило.

Приблизительно такой же процесс последовательного вступления мускулов произошел и сегодня. Роллинг окинул взглядом дебри неизведанного, здравый смысл сказал: Зоя права; практический ум подвел баланс: самое выгодное чертежи и аппарат похитить, Гарина ликвидировать. Точка. Судьба Гарина оказалась решенной, кредит открыт, вступила воля.

Роллинг поднялся с кресла, стал к огню камина и, раздвинув фалды фрака, чтобы греть зад (что было совсем излишне, так как в маленьком салоне было и без того жарко), сказал, выпячивая нижнюю челюсть:

— Завтра в десять с четвертью я жду Семенова на бульваре Мальзерб.

(Продолжение следует).